

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский

Г-н Полевой не поэт и не ученый, но писатель и литератор, и притом замечательный в полном значении этого слова. С лишком двадцать лет действовал он на литературном поприще, и участие его в литературе было чувствуемо, видимо и даже богато результатами, которые имеют вид большей или меньшей заслуги{1}. Теперь поприще его почти кончено: он сам говорит это в предисловии к своим «Очеркам» (стр. XIV){2}. Продолжая действовать вновь и часто новым и особенным против прежнего образом, он, однако, отстал от нового поколения. Следовательно, для него настало время суда и оценки, словом – сознания.

Ничего нет труднее, как судить о произведениях писателя, разбросанных по журналам или появлявшихся в разъединенных изданиях, поштучно: только полное собрание их дает возможность обозреть деятельность писателя в ее общности и совокупности и произнести ей суждение, под влиянием полного и целостного впечатления. Сам г. Полевой понял это, – и, сознавая конец своего поприща, предпринял издание своих критических статей, рассеянных по «Телеграфу», «Библиотеке для чтения» и «Сыну отечества». Его предупредительность в этом отношении так велика, что он даже озаботился познакомить публику с своею частною жизнью и произнести себе полную оценку. «В романе, в драме, в истории, критике я всегда был один и тот же (говорит он в предисловии). Мечтатель в повести, беспристрастный исследователь в истории, иногда строгий критик чужого произведения, я ошибался и думал, может быть, неверно, но никогда не изменял добру, и никогда не подымалась рука моя сорвать венки с заслуг, никогда голос мой не возвышался против дарования истинного» (стр. XIII){3}. Все это мы охотно верим – и как не верить, когда нас уверяет в этом сам г. Полевой, который себя знает лучше других? – Но мы в то же время думаем, что суд о себе принадлежит другим, а не самому себе и что подобные уверения очень похожи на оправдания в вине, в которой нас никто не уличал. Особенно интересны и умилительны уверения г. Полевого в чистоте его души и незлобии сердца – в том, что ему всегда были чужды низкие чувства, каковы зависть, противоречие с своим убеждением; что это подтвердят втайне самые враги его; что многие из бывших его врагами, узнав его покороче, крепко жали ему руку и делались его искренними друзьями, и пр. и пр. (стр. IX). И этому все мы охотно верим – из вежливости; но все это приятнее было бы нам услышать о г. Полевом от кого-нибудь другого, чем от него самого. Не говоря о том, что суд о самом себе не всегда бывает чужд пристрастия, – законы приличия запрещают занимать публичное внимание своею особою, а тем более похвалами ей... В одном месте предисловия откровенность г. Полевого перед публикою дошла до того, что он признался ей по секрету, что, простив всем своим врагам, никак не мог простить четверых... (стр. XI). Что сказать обо всем этом? Гете без зазрения совести говорил о себе, как о гении, – и все верили ему, слушали его с благоговением. Та же история была и с Суворовым... Позвольте, позвольте!.. Вспоминаем... В IV № «Сына отечества» за прошедший год было напечатано умилительное и дружеское послание г. Полевого к г. Булгарину{4}, в котором г. Полевой говорит о себе, между прочим, следующее: «Великий Гете говорил, помнится, Эккерману, что надобно делать что можно и никогда не рассчитывать на великое и огромное, ибо великое и огромное явится само собою, если только бог дал нам для него способность. Великий Суворов отвечал кому-то, кто спрашивал (его?), как он мог одержать столько побед и сделаться столь великим полководцем: «Помилуй бог, просто: я всегда воображал себе, что я прапорщик и несу голову за первый крестик; другие осторожны, помилуй бог – ретирады, деплояды – а оттого они хорошие полководцы, а я великий полководец!» Я всегда был уверен в истине слов Гете и Суворова, и потому бросался страху прямо в глаза, уверенный, что если бог дал мне средства на великое, великое явится само собою» (стр. 111 и 112){5}. Не забудьте, что г. Полевой, упоминая о Гете и Суворове, говорит о своих драматических пьесах... Что ж тут удивительного? – Сознание собственного величия свойственно всякому великому человеку... Это еще довольно скромно, а – вот был на святой Руси человек, который печатно сказал о себе: «Я знаю Русь, и Русь меня знает». Кто бы, вы думали, был этот великий человек?.. Конечно, Петр Великий, который мощною рукою вдвинул Россию во всемирную историю, указал ей в будущем всемирное и первое место и тем изменил грядущие судьбы целого мира, целого человечества?.. Или Суворов, этот чудо-богатырь, выигравший столько же побед, сколько давший сражений, опора и рушитель царств, он, которого видевшие еще живы и который стал уже каким-то мифом, каким-то фантастическим героем фантастической поэмы?.. Или, может быть,

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru Пушкин, в художественных созданиях которого бьется пульс русской жизни и которого поэтический гений, еще в его колыбели, крылатая молва народного сознания нарекла великим и национальным?.. Нет, не они сказали о себе эту громкую фразу, а все он же, все господин же Полевой...{6} Повторяем, тут нет ничего странного – тут одно только сознание своего величия... Нам, может быть, возразят, что когда подобное сознание выговаривает о себе гений, то выговаривает его как «власть имеющий», и потому его сознание не только не оскорбляет чувство других, но еще и возвышает его; но что, когда в ответ ему раздаются смех и свистки, оно означает неуместное самохваление; что не всякий – великий человек, кто только показывается публике с небритою бородою и в халате нараспашку и говорит с нею запросто, как свой с своим, и что гением себя сознавал не один Гете, но и Александр Петрович Сумароков... Чтобы не заходить далеко, мы не будем отвечать на это возражение, а приступим к делу...

В числе причин, побудивших г. Полевого издать собрание написанных им журнальных статей, было еще и желание – оправдаться перед публикою в тех из сих статей, которые были напечатаны в «Библиотеке для чтения» и которые были до того изменены произволом редактора этого журнала, что г. Полевой не может признать их своими. Редактор «Библиотеки» своевольно поправлял статьи г. Полевого, урезывал их, делал свои приставки и вставки, которые состояли в брани на Гоголя и потехах над всем, что не нравилось г. редактору... (см. XV–XIX). Тяжело и грустно говорить о делах будто бы литературных, а между тем принадлежащих вовсе не к литературе, а к другому ведомству!..

Во всяком случае, «Очерки русской литературы» г. Полевого – книга в высшей степени интересная, достойная полного внимания и стоящая оценки важной и беспристрастной. Г-н Полевой может назваться представителем мнений об искусстве и науке целого периода нашей литературы{7}. Он имел сильное влияние на свое время, произвел переворот в мертвой журналистике того времени, оживил литературу, дал быстрое течение обмену мнений, сбавил цены со многих авторитетов, не совсем по праву стоявших слишком высоко, уничтожил множество знаменитостей по преданию и на кредит. Его деятельность была многосторонняя и неистощима; как понимал, он передавал русской публике все новое в Европе; ни одно примечательное явление не ускользнуло от его недремлющего внимания. Что ж он в самом деле, в чем состоят его заслуги, до какой степени простирается важность сделанного им, какие были результаты его деятельности, где ее начало и пределы, какое место должен он занимать в нашей литературе? – вот вопросы, которые мы задали себе для решения при библиографическом отчете о книге г. Полевого. Постараемся решить их беспристрастно – sine ira et studio[1], как говорят записные ученые.

Лучшие и примечательнейшие из критических статей г. Полевого суть – о Державине, Жуковском и Пушкине, представителях русской поэзии{8}. На эти три статьи можно смотреть как на свод мнений и понятий их автора об изящном и русской поэзии. В них он высказался весь; это его литературное и критическое profession de foi[2], в котором он вдруг и разом сказал все, о чем говорил каждые две недели на пестрых страницах своего журнала в продолжение с лишком семи лет. Статья о Державине – лучшая, о Жуковском – из лучших; их и теперь можно читать с услаждением и пользою. Они отличаются если не всегда глубокоим, то часто верным и, по-тогдашнему, новым взглядом, множеством замечаний тонких и дельных, изложением мастерским, увлекающим, одушевленным. Никто до г. Полевого не судил лучше о Державине и Жуковском, никто до него не был ближе к истине при оценке этих двух великих представителей русской поэзии. Особенно в Державине подметил он много сторон, которых в нем никто прежде не подмечал, указал в нем на многое, на что прежде никто не смотрел, и прошел основательным молчанием многое, на что дотоле все указывали (по привычке и преданию), как на самые могущественные проявления великого гения Державина. Но, со всем тем, вполне ли верен его взгляд на Державина и Жуковского, определил ли он положительно их цену, меру их заслуги, указал ли их настоящее место в истории русского творчества?.. Нет, далеко нет! Все, что ни сказал он о них истинного, верного, – все это понято им было его непосредственным чувством и передано, как непосредственное чувство: мысль осталась для него недоступною, и потому все, что ни говорит он, должно принимать на веру, увлекаясь живостию и силою изложения. Следовательно, все его определения – не больше, как личные мнения человека, основанные на личном его чувстве, а не определения, основанные на самом предмете исследования чрез постижение и развитие выраженной ими мысли. Поэтому, замечая и верно схватывая одну сторону, он пропускает без внимания другую, впадает в противоречие с самим собою и, слишком много приписывая Державину, не отдает должной справедливости

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru Жуковскому. По этому же самому вы беспрестанно встречаете у него ложные определения, вследствие предубеждений, которые заключаются не в личных отношениях, по в убеждениях и мнении эпохи. Так, например, он очень верно подметил в Державине сторону народности, которой до него не подозревали в этом поэте. Это заслуга, и заслуга важная! Но сколько упущено им из вида других сторон в Державине и других вопросов о нем! Он говорит, что вся жизнь Державина была – борьба между не понимавшим себя поэтом и мнимо-деловым человеком. Прекрасно! но ведь это еще только факт: какая же мысль скрывается в этом факте? Если бы эта борьба не отрицалась{9} в произведениях Державина, – она была бы явлением эпохи, в которую он жил и в которую не понимали ни поэта, ни человека, а только чиновника; но как эта борьба повредила его призванию и отразилась в его творениях (совсем не в пользу их), – не значит ли это, что Державин не имел самостоятельного и сильного гения творчества, который разрывает все стеснительные узды временных понятий?.. Отчего язык Державина так недалеко ушел от языка Ломоносова? Отчего у Державина риторика составляет такой основной и необходимый элемент поэзии, что у него нет ни одной вполне выдержанной пьесы, но каждая представляет какую-то смесь алмазов поэзии с стразами{10} риторики?.. Нам скажут: «Тогдашние понятия об искусстве, пиитика Буало, Батто» и пр. Милостивые государи, да разве во время Шекспира понятия об искусстве были лучше, чем во время Державина? разве тогда также не было непрременных требований толпы от поэта? И что же? – только люди, неспособные проникнуть в организацию художественного произведения и понять значение философской мысли, могут говорить, что Шекспир, из угождения вкусу времени, испортил хотя одно из своих созданий ненужною вставкою или выкинул из него необходимое в целом. Гений всегда остается верен законам разума, нисколько не думая и не стараясь им следовать. Он не следует ничьим и никаким правилам, но дает их своими созданиями. Гений всегда начинает собою новую эпоху, являясь с творениями в столь новых формах, что никто и не подозревал их возможности, – и он делает это смело, не справляясь с мнением века и толпы. Не для сравнения, а для примера укажем на два явления нашей литературы. Теперь многие пишут и романы и повести в так называемом комическом роде; из множества пишущих в нем есть даже люди с большим дарованием: их всех, даровитых и бездарных, называют подражателями Гоголя, до которого действительно никто не писал у нас и даже никто не подозревал и возможности такого рода поэзии. В самом деле, возьмите «Вечера на хуторе» и «Миргород» – и укажите в европейской или в русской литературе хоть что-нибудь похожее на эти первые опыты молодого человека, хоть что-нибудь, что бы могло натолкнуть его на мысль писать так. Не есть ли это, напротив, совершенно новый, небывалый мир искусства?.. Что в русской литературе могло бы предсказать появление «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника»? – Да и сам Жуковский, на счет которого критик так возвышает Державина, – не начал ли он писать языком таким правильным и чистым, стихами такими мелодическими и плавными, которых возможность до него никому не могла и во сне пригрезиться? Не ринулся ли он отважно и смело в такой мир действительности, о котором если и знали и говорили, то как о мире искаженном и нелепом, – в мир немецкой и английской поэзии? Не был ли он для своих современников истинным Коломбом?.. А Державина еще мог предрекать Ломоносов, потому что, если Державина нет в Ломоносове, то весь Ломоносов в Державине.. Почему г. критик не обратил всего своего внимания на то, что народного Державина теперь никто не читает, кроме записных литераторов? Почему так странно было бы увидеть женщину, читающую Державина? А ведь истинно глубокая женщина может читать и понимать Шекспира!.. Не правда ли, что это вопрос – и очень важный?.. Мы думаем, что Державин был великий и могучий талант, но отнюдь не мировой гений, каким называет его г. Полевой{11}. В созданиях Державина вы беспрестанно встречаете могучие проблески великого таланта, дивно роскошные красоты поэзии, – но все это порывы, вспышки, перемешанные с рифмованною прозою и риторикою; целого, которое одно делает произведение художественным, никогда нет. Да и как ему быть, когда Державин лирические произведения – эти мгновенные плоды горячего чувства – писал по планам, заранее составленным и обдуманым?.. И что мирового сказал Державин? Разве мысль о тленности всего в мире, – мысль, которая особенно вдохновляла его, как человека XVIII века, и еще русского XVIII века?.. Державин – одно из самых могучих проявлений русского духа, чудо-богатырь русской поэзии; изучать его и отрадно и необходимо – и его изучают те, для которых искусство и история искусства есть предмет изучения. Все, что ни говорит о нем г. Полевой, не есть суждение, а только факты для суждений, факты богатые, делающие честь критику, но еще ожидающие суждения. Критик как бы чувствовал недоступность для себя мысли, на самой себе основывающейся и из себя развивающейся, и потому беспрестанно мешал поэта с человеком, стараясь одного объяснить другим, и от воззрений отправлялся к жизни Державина, требуя от нее помощи... Вот его слова о Державине, вроде заключительного вывода из критики: «Он всюду могущ, богат,

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
звучен, самобытен, велик и в самом падении, поучителен в самых ошибках, необходим историку, изучающему Россию XVIII века, поэту, соревнующему славе его, юноше, который тревожится вдохновением, ужасается прозы нашей жизни и пустоты нашей поэзии, старцу, который живет воспоминаниями» (стр. 83). Неужели это оценка, определение поэта, а не риторические фразы? неужели это мысль, а не набор слов?..

Еще менее удовлетворительна статья о Жуковском. Вообще г. критик не благоволил к Жуковскому, но потому что этот поэт не соответствует его личным убеждениям об искусстве, а не по какому-нибудь чувству личности, ибо тон всей статьи самый благородный, а во многих местах видна горячая любовь к поэту, которую критик как бы невольно, вопреки своим воззрениям, увлекается. И как не любить горячо этого поэта, которого каждый из нас с благодарностью признает своим воспитателем, развившим в его душе все благодарные семена высшей жизни, все святое и заветное бытия? Это беспрерывное стремление куда-то, это томительное порывание в какую-то туманную даль, за которою тускло мерцает заря лучшей жизни; эта вечная грусть по каком-то недостижимом идеале блаженства, тоскливое воспоминание о милome «прежде», в котором жизнь была так прекрасна, так полна надежд и удовлетворения; это всегдашнее недовольство настоящим, которое богато только утратами и страданием; эта благородная покорность воле провидения; эта гордая и твердая вера в вечность любви и жизни – непреходящность того, что выражается в преходящих явлениях мира; это грустное наслаждение роскошью прекрасной природы, это всегдашнее прощание с обаятельными радостями земного и перенесение всех упований по ту сторону жизни, туда, где свершение всех обетований души и мистических предчувствий полного любви и страдания сердца, где вечная весна, неувядающие цветы радости, где нет разлуки с милым; – что это такое, как не первое пробуждение духа, сознавшего себя духом?.. И в каких дивных образах, прозрачно сотканных из волнующихся туманов, вечернего сумрака и алой зари, в каких мелодических звуках, – похожих то на звуки эоловой арфы, пробуждаемые дуновением зефира, то на ропот гремучего ручья, – передал нам их наш унылый певец?.. Есть в жизни человека момент, когда он вырывается из объятий матери-природы, отвергается ее упоительных наслаждений, – и душа его грустит без всякой причины к горю, сердце сжимается страданием, без всякой внешней причины, – и сладка ему грусть его, и любит он свое страдание, и лелеет его, и жаль ему расстаться с ним... Юному человеку скучно и тесно на земле, и крыльев бы, крыльев ему – он полетел бы за ее таинственный занавес, облетел бы все эти лучезарные звезды, так приветливо, так родственно манящие его к себе своим алмазным блеском!.. Может быть, там он увиделся бы с какою-нибудь родною ему душою, с милым сердцу, утраченным на земле... Что же такое эта кроткая грусть, что же такое это сладкое страдание? что же такое эта унылая мечта о тихом сне в хладных недрах земли, – когда же? в поре, кипящей надеждами и силами юности, в поре веселия и наслаждения? что же такое это недовольство землею, это томительное, бесконечное стремление в ту сторону, которой нет имени, нет пределов? – Это пробуждение юного духа, переставшего быть телом; это порыв к бесконечному, это стремление к тому, что скрывается за действительностью?.. Но разве оно, это таинственное искомое, разве оно не в действительности, если скрывается внутри ее же явлений? зачем же эта ссора с действительностью, это добровольное отрывание себя от полноты ее прекрасных и полных жизни явлений?.. Увы! горе тому, кто не перешел через эту добровольную ссору, кто не испытал этой тихой грусти, не изведал этого сладкого страдания и не знал этого тоскливого, страстного порывания туда, туда, выше и дальше от земли!.. Горе тому, кому не мила была мысль о смерти, кто не любил для того, чтобы только любить, чья любовь к женщине не была только грустию, только молитвою, робкая, стыдливая, девственная, безмолвная, чуждая всякого желанья, смущающаяся от встречи с милым взором, от тихого пожатия руки! Да, горе ему: он никогда не будет человеком, он никогда не узнает действительности, как откровения таинства жизни, как ощущения бесконечного блаженства: его действительность будет грубая, материальная, практическая, полезная, понятная как $2 \times 2 = 4$, сухая и пошлая, как эта аксиома!.. Действительность не постигается вдруг и вполне: она открывает сначала только свои стороны, как крайности и противоположности, – и юный человек сперва отвлекает от нее ее же собственные стороны, переживает полную жизнь в их отвлеченных крайностях, а потом уже, в поре мужества, мощными объятиями созревшего разума охватывает ее во всей ее слитной полноте и единстве. И в жизни человечества был такой же момент, который длился двенадцать столетий: – мы говорим о средних веках, о романтической юности человеческого рода, когда запасался он романтическими элементами на будущую богатую жизнь. Жизнь есть великое таинство, начиная от рождения и смерти человека, от сферы его чувств и понятий, до явлений природы, до развития из зерна малейшей былинки. Для юного

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

человека вся природа жива, все ее явления олицетворены и то благосклонны, то враждебны ему, и он то любит, то страшится их. С ними слиты для него и таинственные силы, управляющие его судьбами. Он олицетворяет и природу, и собственные страсти и чувства, он олицетворяет и самые случайности своей жизни, – и милая, прекрасная девушка, найденное дитя, воспитанное среди дикой природы, в отчуждении от мира и людей, является ему Ундиной, сердитый поток – ее дядю Струем... Отсюда выходит все фантастическое царство таинственных сил, мрачных привидений и выходцев из гроба, которых так любит муза Жуковского, часто меняющая светлые и прозрачные образы на мрачные и страшные, тихие, мелодические звуки тоскующей любви на скрип флюгера на башне замка, на полуночное завывание совы, свист ветра и борьбу стихий, предрекающую недоброе... фантастическое есть тоже один из романтических элементов духа, который должен быть развит в человеке, чтоб он был человеком. – Все это, или почти все это, находит Г. Полевой отличительным характером поэзии Жуковского, и все это восхищает его в ней; но все это у него только факт, мысль которого непонятна для него. И потому он не может простить Жуковскому отсутствия народности... Забавное обвинение!.. Жуковский не народный поэт, и немногие попытки его на народность были неудачны – правда; но это совсем не недостаток, а скорее честь и слава его. Он призван был на другое великое дело: осуществить, через поэзию, в своем отечестве, необходимый момент в развитии духа, момент, выраженный в жизни Европы средними веками, одухотворить отечественную поэзию и литературу романтическими элементами. Жуковский по преимуществу романтик так, как Державин по преимуществу классик, во внутреннем значении этих слов. Как северное сияние, роскошны и великолепны картины природы у Державина, но так же и внешни и холодны, как северное сияние. Жуковский вводит вас во внутреннее святилище природы, делает для вас слышим биение ее сердца, ощутительным теплое ее дыхание... В изображениях природы у Державина вы не услышите прозябания дольней лозы:{12} Жуковский вводит вас в сокровенную лабораторию сил природы, – и у него природа говорит с вами дружным языком, поверяет вам свои тайны, делит с вами горе и радость, утешает вас... Жуковский выразил собою столько же необходимый, сколько и великий момент в развитии духа целого народа, – и он навсегда останется воспитателем юных душ, полных стремления ко всему благому, прекрасному, возвышенному, ко всему святому и заветному жизни, ко всему таинственному, духовному и небесному земного бытия{13}. Недаром Пушкин называл Жуковского своим учителем в поэзии, наперсником, пестуном и хранителем своей ветреной музыки:{14} без Жуковского Пушкин был бы невозможен и не был бы понят. В Жуковском, как и в Державине, нет Пушкина, но весь Жуковский, как и весь Державин, в Пушкине, и первый едва ли не важнее был для его духовного образования. О Жуковском говорят, что у него мало своего, но почти все переводное: ошибочное мнение! – Жуковский поэт, а не переводчик: он воссоздает, а не переводит, он берет у немцев и англичан только свое, оставляя в подлинниках неприкосновенным их собственное, и потому его так называемые переводы очень несовершенны, как переводы, но превосходны, как его собственные создания. Почему же он один из всех русских поэтов заимствует у немцев и англичан? – потому, отвечаем, что там, а не у нас дома были средние века человечества, и их, а не наша и не другая какая поэзия возникла из романтического искусства. Г-н Полевой ставит Жуковскому в вину, что в его переводах из Шиллера, из Байрона и Гете один и тот же колорит: мы видим в этом только, что Жуковский везде был верен самому себе, своей великой идее, своему великому призванию, и ставим ему это в великую заслугу. От всех поэтов он отвлекал свое или на их темы разыгрывал собственные мелодии, брал у них содержание и, переводя его через свой дух, претворял в свою собственность. Г-н Полевой ставит Жуковскому в вину, что он не понимает «Гамлета», почитая это великое произведение чудовищным и уродливым (слова самого Жуковского в «Телеграфе» за 1827 год, № 1, стр. 25){15}. Опять факт, не объясненный мыслью! Жуковский не понимает «Гамлета» и не должен – не по недостатку чувства изящного, не по недостатку образования, а по особенному свойству и направлению своего духа: любя Шекспира, он отказался бы от средних веков, от романтизма, следовательно, отказался бы от самого себя. Кто из кипящих юношей, в романтическую пору своей жизни, в эпоху гордых и высоких идеалов, не предпочтет Шиллера Шекспиру, не поставит Шиллера высоко над Шекспиром? Мало этого: кто из юношей не увидит в Шиллере величайшего художника, и кто из них что-нибудь увидит в Шекспире? Почему это? потому что Шиллер поэт романтический по преимуществу, следовательно, поэт юности; а что для Германии Шиллер, то для России Жуковский, и как сам Шиллер понимал Шекспира, если решился перевести его «Макбета» с некоторыми переменами!{16} Шекспир – поэт нового времени, нового искусства – поэт не идеалов, а действительности, и потому его понимает только дух многосторонний, и не юноши, а мужи. Есть люди, которые на всю жизнь остаются детьми, и есть люди, которые на всю жизнь остаются юношами, не в прошлом, а в

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
высоком значении этих слов: Гомер в своей «Илиаде» младенец; наш Крылов в своих баснях младенец; Шиллер умер юношей, хотя по летам и давно уже был муж; Жуковский и в глубокой старости останется тем же юношей, каким явился на поприще литературы. Жуковский односторонен – это правда, но он односторонен не в ограниченном, а в глубоком и обширном значении этого слова, как были односторонни греки, как были односторонни все великие художники средних веков и как односторонни новейшие поэты – Шиллер, Жан-Поль Рихтер, Байрон, которых величие заключается в их односторонности, как величие Шекспира и Гете заключается в их всеобъемлющей многосторонности. Когда единая и отвлеченная сторона духа есть выражение необходимого момента в жизни человека и человечества, – она велика и бесконечна: односторонний Жуковский явился органом великого момента духа – романтизма и идеализма в искусстве и в жизни.

Итак, г. Полевой нашел в поэзии Жуковского недовольство земным, стремление к небесному, юношескую мечтательность, идеальную любовь и пр. и пр., что и другие, больше или меньше, лучше или хуже, находили в ней; но он не сказал, что такое это найденное им, и оно осталось для него искомым. Так как объяснения найденного и расхваленного им в поэзии Жуковского он искал не в философской мысли, а в своих личных мнениях, – то это найденное и расхваленное и явилось чем-то случайным и, следовательно, бессмысленным. Удивительно ли после этого, что поэзия Жуковского стала у г. Полевого кругом виновата за то именно, чем он в ней восхищается, следственно, без вины виновата?.. Это ли критика? это ли оценка поэта? Задача истинной критики – отыскать в созданиях поэта общее, а не частное; человеческое, а не людское; вечное, а не временное; необходимое, а не случайное, – и определить, на основании общего, то есть идеи, цену, достоинство, место и важность поэта. А то ли сделал г. Полевой, так много наговорив о Жуковском?..

Статью о Державине назвали мы лучшею, о Жуковском – одною из лучших; но о статье о Пушкине решительно не знаем, что и сказать. В первой если не видно единой идеи, из себя развивающейся, зато видна общность взгляда, производящая в читателе общность впечатления; во второй можно догадаться, о чем и почему именно так говорит критик, и в ее изложении много увлекательности и жизни; но в третьей ничего не поймете и не встретите ни одного живого места, ни одного сильного выражения. Это какой-то хаос крутящихся понятий, которые сталкиваются друг с другом и дерутся, и сквозь них промелькивают такие иероглифы, которых объяснения должно искать в журнальных сшибках того времени. Г. критик ни в чем не отдает отчета, судит по-шемякински^[17], хотя и начал, по своему обыкновению, с вечного классицизма и романтизма, о которых толки обратились у него в общие места и сделались так же скучны и истерты, как и вечные выражения покойного «Московского телеграфа»: идти в ряд с веком и отстать от века. Чего не найдете вы в этой статье! И о XIX веке, так хорошо знакомом г. критику, и о Байроне, и о Викторе Гюго! В ней даже прочтете вы удивительно глубокий, необыкновенно удивительный, хотя и очень краткий и мимоходом набросанный разбор одного из величайших созданий Шекспира – «Король Ричард II». И потому мы не будем распутывать этой путаницы слов и фраз, написанных явно в беспокойном духе, – а ограничимся выставкою на вид только нескольких перлов, с беглыми на них замечками^[3]. Во-первых, мы узнаем из этой глубоко философской статьи, что Пушкин есть представитель XIX века в русской поэзии, но именно русский – и не более, но что Пушкин – «поэт, обладающий дарованием обширным (!), душою глубоко раздражительною (?)^[18], восторженною, даром слова удивительным» (?!); что «карамзинизм повредил даже совершеннейшему из его созданий – «Борису Годунову»» (стр. 157, 162), что «первая глава «Онегина» пестра, без теней (?), насмешлива, почти лишена поэзии (?!), вторая – впадает в мелкую сатиру, в шестой поэт снова впадает в прежний тон насмешки, эпиграмму, и то же следует в седьмой»; но что «поединок Ленского с Онегиным выкупает все» (стр. 165); что «руссизм «Руслана и Людмилы» была та несчастная, щеголеватая народность, флориановский манер, по которому Карамзин написал «Илью Муромца», «Наталью, боярскую дочь» и «Марфу Посадницу», Нарезный – «Славянские вечера», а Жуковский обрусил «Ленору», «Двенадцать спящих дев» и сочинил свою «Марьину рошу»» (стр. 161); что его «Кавказский пленник» бледен и ничтожен (!?), «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы» нерешительны, «Евгений Онегин» легок (стр. 163). Г-н Полевой советует Пушкину (статья была написана в 1833 году) выкинуть из собрания своих сочинений «Дорожные жалобы» и «К вельможе», как пьесы, недостойные его (стр. 167)... Как жаль, что Пушкин не послушался господина Полевого и не отрекся от «Дорожных жалоб» – этой пьесы, проникнутой грустною ирониею, этой гениальною шуткою, – и от «Вельможи», произведения, в котором такую мощною и широкою кистию, с такою полнотою, глубокою и верною изобразил наш поэт характер, дух и поэзию, словом, творчески воспроизвел идею русского XVIII века, полного славы и величия,

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru пиров и роскоши, сомнений ума и жажды наслаждений!.. Да, вообще Пушкину много повредило то, что он не слушался советов и наставлений г. Полевого... Нет сил выписывать его мнения о мелких стихотворениях Пушкина: не знаешь – смеяться или сердиться! Поверите ли, в «Андрее Шенье» и «Наполеоне» г. Полевой видит лучшие лирические создания Пушкина и ставит их несравненно выше «Подражаний древним», «Подражаний Корану» и таких пьес, как «Предчувствие», «Кавказ», «Труд», «Узник», «Анчар» и даже «Бесы»!.. Что сказать об этом? Видите ли, в чем дело: когда г. Полевой начал читать, Державин был уже весь издан, и его могучие звуки первые поразили впечатлениями поэзии душу нашего критика – и статья г. Полевого о Державине лучшая его статья; Жуковского он уже изучал, потому что, для понимания его, должен был делать себе усилие, отрешаться от многих уже врезавшихся в него односторонних убеждений, – и он оценил его уже менее впопад; но Пушкин явился уже совсем не вовремя: он опоздал для г. Полевого, или г. Полевой уже опоздал для него, – и потому, пока Пушкин был еще только автором «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника», пока еще он написал только «Андрея Шенье», «К Овидию», «К Чаадаеву», «Наполеона», г. Полевой удивлялся ему, провозглашал его северным Байроном, представителем современного человечества; а когда гений Пушкина начал мужать и возмужал, г. Полевой поспешил взять назад свои критические приговоры. Пока «Онегин» был еще недоконченной повестью, следственно, не имел полноты и целостности, а основная идея его была еще тайною, – г. Полевой не скупился на похвалы; когда же «Онегин» явился полным, оконченным, замкнутым в себе художественным созданием, в дивных образах выразившим глубокую идею, – г. Полевой так оценил его: «Вот последняя глава, конец «Онегина»! Чем же кончилась эта история, сказка или роман – спросят читатели. Чем?.. да чем обыкновенно кончится все в мире? И бог знает! Иной живет лет восемьдесят, а жизни его было всего лет тридцать. Так и «Евгений Онегин»: его не убили, и сам он еще здравствовал, когда поэт задернул занавес на судьбу своего героя» («Телеграф», 1832, XLIII, стр. 118){19}. За эту замысловатую и насмешливую оговорку следует выписка нескольких строк, с приличною похвалою оным!.. А не угодно ли полюбоваться, как оценил г. Полевой третью часть мелких сочинений Пушкина, которая вышла в 1832 году и которая столько же выше первых двух, сколько возмужавший гений выше еще невозмужавшего? Слушайте – и дивитесь:

Теперь спросим у самих себя: того ли Пушкина видим мы в третьей части его стихотворений, того ли поэта, которого полюбила публика наша и которым восхищалась она, читая первые две части его стихов? Повторяем, что в наружной отделке он все тот же: сладкозвучен, пленителен, игрив (!?..); но это не творец послания «К Чаадаеву», «Андрея Шенье», «Наполеона», «К морю» и пр. и пр. Направление его, взгляд, самое одушевление – совершенно изменились. Это не прежний задумчивый и грозный, сильный и пламенный выразитель дум и мечтаний своих ровесников: это нарядный, блестящий и умный светский человек, обладающий необыкновенным даром стихотворения («Телеграф», 1832, ч. XLIII, стр. 570){20}. Очень-с хорошо! Это говорится о той третьей части, в которой помещены: «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке», «Делибаш», «На холмах Грузии лежит ночная мгла», «Не пленяйся бранной славой», «Дон», «Олегов щит», «Поедем, я готов», «Когда твои молодые лета», «Я вас любил», «Зима. Что делать нам в деревне», «Зимнее утро», «Дорожные жалобы», «Калмычке», «Что в имени тебе моем», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «В часы забав иль праздной скуки», «К вельможе», «Поэту», «Ответ анониму», «Пью за здравие Мери», «Пир во время чумы», «Бесы», «Труд», «Моцарт и Сальери», «Цыганы», «Мадонна», «Эхо», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Узник», «Зимний вечер», «Дар напрасный», «Анчар», «Подъезжая под Ижоры», «Приметы» и, наконец, «Собрание насекомых» – стихотворение, которое особенно не нравится тонкому и чуткому вкусу нашего критика, но очень примечательное и важное, если подумаешь, какие есть на свете критики!..

Мы передали публике факт о критике г. Полевого – судить и доказывать не будем: есть факты, которые сами за себя громко говорят. И что же? – Мы очень далеки от того, чтобы подозревать г. Полевого в пристрастии к Пушкину: есть большая разница между ошибкою вследствие личной враждебности и ошибкою вследствие простодушного неведения или бедности эстетического вкуса.

Статья о Пушкине в изданных ныне «Очерках» есть разбор «Бориса Годунова». Как же оценил г. Полевой это великое создание Пушкина? – А вот посмотрите: «Прочитав посвящение, знаем наперед, что мы увидим карамзинского Годунова: э т и м с л о в о м р е ш е н а у ч а с т ь д р а м ы П у ш к и н а {21}. Ему не пособят уже ни его великое дарование, ни сила языка, какою он обладает» (стр. 184). Теперь ясно и понятно ли, что это за оценка?.. Вот если бы Пушкин изобразил нам Годунова с

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
голоса знаменитой, но недоконченной «Истории русского народа»{22} – тогда его «Борис Годунов» был бы хоть куда и даже удостоился бы очень лестных похвал со стороны «Московского телеграфа»... Вообще г. Полевой очень не благоволил к Карамзину. Ему даже не нравится слог «Истории российского государства» – эта дивная резьба на меди и мраморе, которой не сгложет ни время, ни зависть и подобную которой можно видеть только в историческом опыте Пушкина: «Истории пугачевского бунта». Уже только похвалить Карамзина – значит попасть под опалу г. Полевого. За что такое неблаговоление? – За то, что Карамзин своими идеями принадлежал к тому времени, в которое родился и воспитался, а не к тому, в которое умер: – забавное обвинение! Не знаем, потому ли, что мы не доросли до «высших взглядов» г. Полевого, или потому, что переросли их, но только мы видим в Карамзине писателя, оказавшего великие и бессмертные услуги своему отечеству, писателя, который выразил дух своего времени, но не задним числом, а показав его своим современникам, как новое для них время; а в г. Полевом видим деятельного писателя, обладаемого больше тревогою, чем вдохновением, за все бравшегося и ничего не кончившего, разрушившего многие старые предубеждения и не сказавшего ничего нового, оказавшего большие заслуги отрицательно и никаких положительно, наконец, критика, который, думая идти наравне с веком, шел только наравне с толпою: толпа хвалила Пушкина – и он хвалил его; толпа охладела к Пушкину – и он охладел к нему; смерть Пушкина поразила общее внимание – и г. Полевой явился в «Библиотеке для чтения» с статьею о Пушкине, в которой много наговорил общих риторических мест о поэте и человеке, а ровно ничего не сказал о Пушкине...{23}

Да, г. Полевой опоздал для Пушкина: удивительно ли, что Гоголь для него – темна вода во облацех?..{24} Всею свое время и своя чреда, – и счастлив тот, кто, вовремя начав, умел и вовремя кончить!..

Пропускаем статьи, не относящиеся к искусству, и укажем на последнюю в I-й части «Очерков» – разбор «Двумужницы» кн. Шаховского. Кто помнит этот разбор, тот знает, что г. Полевой судил заслуженного нашего драматурга за «Двумужницу» как за уголовное преступление против искусства, что он даже передразнил его, тут же написав злую пародию на его пьесу{25}. Конечно, пьеса кн. Шаховского произведение не художественное, не превосходное, но и не без достоинств, а главное – она решительно выше всех опытов г. Полевого в драматической поэзии, начиная от его дюсисовской переделки Шекспирова «Гамлета» и оригинальной трагедии «Уголино» до «Ужасного незнакомца», не имевшего никакого успеха на сцене{26}. Как помирить это противоречие?.. Мы жалеем, что г. Полевой, за критику «Двумужницы», не поместил тотчас своего письма к г. Булгарину («Сын отечества», 1839, № IV), в котором он высказал свои понятия о драматической поэзии и о своих трудах по этой части. Но знаем, как сообразить и согласить взгляд его на произведение князя Шаховского и на его собственные создания в драматическом роде!.. Взглянем на это письмо, чтобы поправить упущение г. Полевого, не напечатавшего его рядом с критикою «Двумужницы». Это тем более необходимо для нас, что может быть окончательною оценкою г. Полевого как критика и окончательным разбором его критических оснований.

Поводом к этому письму г. Полевого к г. Булгарину был разбор какого-то драматического отрывка г. Полевого, написанный г. Булгариним, который, между прочим, очень дельно, основательно и беспристрастно определяет литературную деятельность г. Полевого следующим образом:{27}

Почтенный Н. А. Полевой пишет, как говорят, полосами. О чем речь в публике, за то принимается почтенный Н. А. Полевой. Была эпоха журналов, Н. А. издавал журнал; была мода на Шеллингову философию и политическую экономию – он писал о философии и политической экономии. Настала мода на романы, он стал писать романы. Альманахи ввели в моду оригинальные повести – П. А. Полевой стал писать повести. Заговорили об истории – вот есть и история; наконец, вкус высшего сословия и публики явно обратился к театру, и Н. А. Полевой пишет трагедии, драмы, драматические представления, драматические были и водевили. Пишет он так много, что мы не можем постигнуть, когда он выбирает время, чтобы читать и учиться! Н. А. Полевой человек умный и удивительно смысленный. Он не может написать ничего решительно дурного, а между тем написал он много хорошего. Что он ни напишет, во всем пробивается то талант, то сметливость, то ловкое подражание, и все приурочено к понятиям большинства. Эта беспристрастная и верная оценка, с которою мы вполне согласны, как будто бы она была произнесена самими нами, заключается так:

Невозможно быть беспристрастнее нас к Н. А. Полевому, и, не взирая на прошедшее,
Страница 8

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru мы всегда отдаем справедливость его таланту, уму, трудолюбию, а более всего его сметливости, в которой он не имеет равного в нашей литературе. Не будем разбирать всех возражений г. Полевого, написанных в ответ на это беспристрастное и верное мнение о нем г. Булгарина, но обратим внимание только на два, в которых самым резким образом выразились понятия г. Полевого о науке и искусстве. Г-н Полевой, доказывая, что он шел не за другими, а впереди других, так говорит о своих отношениях к философии и политической экономии: «Я усердно споспешествовал той и другой науке, ознакомившись с ними при самом начале моего литературного поприща, и не только не отвергаюсь их теперь, но уверен, что для прочного образования, какого угодно, обе науки должны быть положены краеугольным камнем в основании: одна как зерно всех идей человеческих, другая как важнейшее дополнение истории, как необходимое знание в практической жизни, которым разрешаются важнейшие вопросы общественные» («Сын отечества», 1839, № IV, стр. 107). Какая поверхностность и сколько сбивчивости, противоречий и ложности в этих немногих строках! Когда и чем споспешествовал г. Полевой успехам философии? и как он мог споспешествовать ей, не зная ее, но повторяя о ней фразы, взятые на выдержку из французских журналов! Он говорит, что ознакомился с нею при самом начале своего литературного поприща: это, верно, перед изданием «Московского телеграфа»! Вот что значит заблаговременно запастись нужным материалом! Но мы этому решительно не верим, потому что философию нельзя заниматься только в известное время и к известному сроку: должно посвятить ей всю жизнь свою или совсем за нее не браться; философию можно изучать, но нельзя ее выучить; ибо философия есть не только зерно, как говорит г. Полевой, но и развитие идей, как разумно необходимой возможности всего сущего, ставшего явлением в природе и в истории, сознание той сферы сверхчувственного и сверхопытного, где бытие равно небытию, возможность равна явлению... Кто начал изучать философию, тот никогда по остановится в этом изучении: иначе никогда не снимет с действительности таинственного покрывала Изида. Поэтому ничего нет забавнее тех господ, которые вместо: «Я изучил Шеллинга» говорят: «Я прочел Шеллинга» или которые говорят: «Я знаю философию и могу говорить о ней, потому что тогда-то учился ей». Первые из этих господ, то есть те, которые не изучают, а перелистывают Шеллинга, похожи на детей, для которых сесть верхом на палочку и скакать на лошади – все равно и которые, сев верхом на палочку, легко могут уверить себя, что они стремглав несутся на рьяном коне. Вторые из этих господ похожи на какого-нибудь Кутейкина{28}, который, вспомнив оное блаженное время, когда он, убоясь бездны премудрости, возвратился вспять, говорит с полным убеждением: «Я твердо выучил философию – инда и теперь помню». Потом, скажите, бога ради, каким образом политическая экономия стала об руку с философией) – наукою наук, – как равное ей знание? Если политическая экономия есть наука, а не опытное знание, то она должна только основываться на философии, занимая свое место в энциклопедии философии, но отнюдь не тягаться в равенстве с нею. Кто лист противопоставляет дереву, окошко или печную трубу – зданию, особенно, если это дерево – кедр и это здание – храм?.. А что такое значит фраза г. Полевого, что «политическая экономия есть важнейшее дополнение истории»? Теория развития народного богатства, без сомнения, должна занимать и интересовать историка, как одна из многих сторон его предмета, но чтобы политическая экономия была каким-то дополнением истории – это так непонятно, что, для уразумения подобной загадки, надо перелистовать Шеллинга и выучить философию... Из этого можно видеть, что г. Полевой не только глубоко знает философию и политическую экономию, но и действительно много споспешествовал их успехам в нашем отечестве...

Теперь бросим взгляд на понятия г. Полевого о драматической поэзии.

В то же грустное время жизни, когда <развлекался> я, сочиняя «Аббадонну» (подлинно грустное, судя по роду развлечения!), Шекспир, старый друг мой, соблазнил меня переводить «Гамлета» (вот уж подлинно соблазнитель на свою же погибель!) и привести притом в исполнение мысль мою о сценической передаче его творений (стр. 110). Публика лучше журналистов и теоретиков поняла дело, и это решило меня на драматический опыт еще, а потом на другой и на третий опыт (ibid. [4]){29}.

Эти немногие строки многим радуют душу читателя – и тем, что Шекспир друг г. Полевому, и тем, что г. Полевой хочет передать на русский язык все произведения своего друга; но где же доказательства того, что публика поняла дело? неужели в том, что она вызвала переводчика, как она вызывает всех переделывателей французских водвилей? или в том, что, восхищенная игрою Мочалова и Каратыгина, часто смотрела на них в роли Гамлета, несмотря на искаженный и облизанный перевод, крайне дурную постановку и выполнение пьесы?.. Потом, какое отношение имеют к переводу драмы Шекспира и собственные театральные изделия г. Полевого?

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Неужели то и другое – драматический опыт? Как? «Гамлет» Шекспира – и «Уголино» и «Ужасный незнакомец» Г. Полевого – драматические опыты?.. Как?.. Но.. Извините – мы и забыли, что Г. Полевой с Шекспиром запросто – свои люди, сочтутся сами; а наше дело – сторона...

Не буду пересказывать здесь историю драмы и сцены и, думаю, вы согласитесь без дальнейших доказательств, что наш век не сыскал еще современной ему драмы... Каково предложение? Согласиться, без дальнейших доказательств, что наш век не сыскал еще современной драмы и перебивается чужою? Не все ли это равно, что попросить кого-нибудь согласиться, что $2 \times 2 = 5$, а не 4?.. В XIX веке знаменитейшие драмы – Шиллера и Гете. Дело ясно: если эти драмы художественны, то зачем же ему, нашему веку, мимо драм, которые у него есть, искать драм, которых у него нет? «От добра добра не ищут», – говорит мудрая русская поговорка. Если же драмы Шиллера и Гете не художественны, а другие художественны не являются: значит, их нет, а «на нет и суда нет», – говорит другая мудрая русская поговорка. Не смешно ли искать того, чего нет?..

...а русская словесность и сцена еще менее сыскала ее. Какая должна быть современная драма? Какая должна быть драма у каждого народа? И даже должна ли быть отдельная драма русская, французская, немецкая? Что за глубокие вопросы! на дне их и света не видно!.. Русская сцена нашла современную драму-комедию отчасти в «Горе от ума» Грибоедова и вполне в «Ревизоре» Гоголя. Конечно, это еще одна сторона сцены, и этого еще немного; но вопрос не в количестве, а в сущности, в первообразе предмета. Русская же словесность нашла свою современную драму отчасти в «Горе от ума» Грибоедова и вполне в «Борисе Годунове», в «Сальери и Моцарте», «Скупом рыцаре», в «Русалке», в «Каменном госте» Пушкина и в «Ревизоре» Гоголя{30}. «Какая должна быть современная драма?» – спрашивает Г. Полевой: вот предостололюбезный вопрос! Право, подобные вопросы напоминают нежных супругов, которые до слез спорят – один, что у них родится сын, а другая, что у них родится дочь... Такие вещи не выводятся а priori[5], и стремление выводить их, равно как и исторические факты в будущем, – не философия, а философическое пересыпание из пустого в порожнее. У отца есть сын – и он может сказать, каковы наружность и характер его сына; но если этот сын его ожидается, то все вопросы о его наружности и характере будут походить на вопрос: «Какова должна быть русская драма?» Если поименованные нами драматические произведения Грибоедова, Пушкина, Гоголя Г. Полевой почитает художественными, то он уже должен знать, какова должна быть русская драма; если же он не признаёт их художественными, то все его усилия решить этот вопрос будут походить на усилия человека, который желает разгадать, что будет находиться через пять тысяч лет на том месте, где стоит его дом. В мышлении немаловажная задача определить – что может и что не может быть мыслимо. Что же касается до вопроса, должна ли быть отдельная драма русская, французская, немецкая, – мы можем утвердительно отвечать Г. Полевому на этот важный и глубокий вопрос: должна, непременно должна... еще раз, тысячу, миллион раз – должна, но должна с условием, чтобы прежде, нежели быть русской, французской или немецкой драмой, – быть художественною драмой. Последнее условие гораздо важнее первого: если соблюдено это последнее, то первое, без всяких усилий и хлопот со стороны поэта, исполняется само собою. Если «Борис Годунов» Пушкина не художественная драма, то она и не русская и никакая драма; а если художественная, то необходимо и русская, потому что написана русским поэтом, на русском языке, да и самое содержание ее взято из русской истории.

Я уверен, что современная нам драма не осуществлена ни французскими классиками (пора увериться!..) и романтиками (пора!), ни германскою драмою Гете (вот как!..), Шиллера, Вернера, Грильпарцера, Мюльнера и что Шекспир целиком также не современная наша драма (на колени, читатели!..), как целиком Кальдерон, Софокл и Корнель. Далее идет другой ряд вопросов о соглашении нашей драмы, сообразной нравам, понятиям, образованию (чьим?) с идеею современной драмы вообще. Наконец, третий ряд вопросов о примирении сцены с драмою, или теории с практикою.

Превосходно! Во-первых, что за чудное смешение имен: Гете и Шекспир перемешаны с Грильпарцерами, Вернерами и Мюльнерами; Кальдерон и Софокл – с Корнелем; о французских классиках и романтиках говорится вместе с Гете, Шекспиром и Софоклом!.. Далее, каковы понятия об органической целостности и художественной замкнутости изящных произведений: Шекспир и Софокл целиком не годятся, а их надо облизывать и уродовать или по крайней мере переделывать, как, например, переделан «Гамлет» Дюссом и ГГ. Сумароковым, Висковатовым и Полевым!..{31} Второго и третьего ряда вопросов мы совершенно не понимаем, как будто бы они

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
были изложены на китайском языке. «Все это вопросы важные, и, может быть, да и, кажется, наверное, мы умрем, не решивши их», – заключает г. Полевой. Жаль, очень жаль! А вопросы действительно важные – право-с! Бога ради, решайте их поскорее, г. Полевой! Ведь вы их сочинили, вы их и решайте, а наше дело – сторона.

И г. Полевой решает:

Но что же нам делать: сложить руки и сидеть? Нет, надобно начать решение, положить от себя несколько данных, к которым потом приложить еще. Начать решение должно думая теоретически и делая практически...

Видите ли: ларчик просто открывался!{32} У нас нет драмы, так сделаем драму, вместо того чтобы сидеть сложа руки. Положим, что теперь зима и на дворе свирепствуют морозы, а нам нужно, чтобы у нас цвели розы. Но розы в это время не цветут; что ж! еще небольшое горе: вместо того чтобы сидеть сложа руки, мы пошлем в магазин, где делают из тканей какие угодно цветы и розы; вот мы и с розами, да еще с такими, которые никогда не увядают, а разве только рвутся и пачкаются. Каковы понятия о творящей силе природы! нет ароматической красавицы, пышной царицы садов – сделаем ее из тряпок!.. Каковы понятия о творящей силе художественного духа: у нас нет драм Шекспира, – так есть драмы друга его, г. Полевого!..

Примемся за опыты: одна теория недостаточна нигде – в этом я уверен, а одной практики также мало. Думать о драме и сцене имел я время, принимаясь за их практику на сороковом году от рождения, изучив предварительно историю их у всех народов.

Ну, господа, давайте, примемся все за работу, а чтобы она шла успешнее, разделимся на две половины: одна будет делать теорию лучшего сорта... другая – самые отличнейшие драмы, то есть, практику-с. Хорошо; но вот условие – *sine qua non*: [6] кто не имел счастья дожить до полных сорока лет, того мы не примем в члены нашей драматической фабрики. Пусть это будет напоминать злую сатирическую статейку г. Полевого «Общество беззубых литераторов»{33}, но что до этого! Конечно, оно будет немножко смешно, но зато очень полезно: у нас будет теория и практика... Не пугайтесь также необходимости предварительного изучения драмы у всех народов: дело не так страшно, как кажется. Может быть, вы слишком добросовестны, и вам кажется недостаточным всей жизни для свершения подобного подвига: уверяю вас, что это излишняя робость. Научитесь из примера г. Полевого, что подобный подвиг можно совершить между другими гораздо важнейшими делами, как-то: изучением философии Шеллинга, политической экономии, изучением всех литератур в мире, изданием журнала, сочинением разных историй в нескольких томах, сочинением нескольких романов, множества повестей, бесчисленного множества журнальных статей. Для этого даже не нужно ни глубокого эстетического чувства, ни глубоких познаний, ни даже каких-нибудь понятий об искусстве: гораздо нужнее всего этого отвага и самоуверенность...

И все, что до сих пор отдано мною на сцену, я не считаю ничем другим (о, грамматика! о, православный русский язык! – что с вами делают?..), как только добросовестными опытами, играю *va banque* на мою литературную известность (оченно-с скромно!). Не мне судить себя (вот уж это напрасно-с!), но признаюсь (а!.. а!..), не могу не порадоваться некоторым успехам моих опытов, хотя приписываю их снисхождению публики только за искренность трудов моих, которую она вполне оценивает и которая может многое заменить в писателе (умеренность и аккуратность!). Опыты мои были разнообразны: в «Уголино» мне хотелось испытать на сцене идею судьбы, оживив ее религиозным духом; в «Дедушке русского флота» – очерк исторической картины и русское народное чувство (хотелось испытать на сцене – очерк исторической картины и русское народное чувство!); в «Иголкине» – простое изображение фанатического чувства любви к отечеству, без всяких декораций сценических (хотелось испытать на сцене – простое изображение фанатического чувства любви к отечеству, без всяких декораций сценических!); в «Смерти, или Чести» – немецкую *Trauerspiel*[7] и предел перехода из повести в драму (?!?!..); в «Русском человеке» – сцену, сведенную на самые простые события и чувства ежедневные, в которых многие не находят предмета для художника (не забывайте, что г. Полевой – художник!..). Так, в одном из новых приготавливаемых мною для сцены опытов моих, под названием «Ода премудрой царевне Фелице», мне хотелось бы показать поэтическую сторону прозаической жизни Державина; в другом, «Елене Глинской», испытать быт русской старины в идеале художника (?); в третьем, «Стрешневе», – простое изображение русского быта и опыт на сцене языка наших предков; в «Эспаньолетто» попытаться на севере на изображение итальянских страстей; в «Прасковье Ляпуновой» опять (?) коснуться простого изображения любви

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
детской, которая провела простую девушку из снегов Сибири к царскому престолу,
для испрошения милости виновному отцу ее{34}.
Читаешь – и глазам не веришь! Точь-в-точь, как будто читаешь свод предисловий
Виктора Гюго к его драмам:{35} тут я хотел высказать такую мысль; здесь я задал
себе для разрешения такую-то задачу; там хотел доказать неоспоримость такого-то
положения, – как будто поэзия все равно, что математика! как будто поэт может
повелевать своим вдохновением!.. Только предисловия Виктора Гюго изложены
покрасивее, в отношении к языку, если и отличаются таковою же мыслительностью..
Жаль только, что при сей верной оказии г. Полевой не повторил, что он предпринял
столько полезных трудов из глубокого убеждения, что драмы Шиллера и Гете, ни
самого Шекспира целиком, не годятся для нашего времени, и из великодушного
желания помочь веку в его горе..

И вот вам свод литературных убеждений г. Полевого и его понятий об искусстве..
Удивительно ли, что он так верно оценил Пушкина и так хорошо понял Гоголя?..
Больше мы ничего не скажем и не будем выводить заключения из нашей рецензии,
которая, против нашей воли, и без того вышла слишком длинна. Пусть по тому, что
сказали мы, судят о том, что хотели мы сказать; а кому этого мало, то – до
следующих двух томов «Очерков»: еще будет о чем поговорить и что сказать, а
сказанное пусть примется только за предисловие...{36}

Примечания

Список сокращений

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Белинский, АН СССР – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., тт. I–XIII. М., Изд-во
АН СССР, 1953–1959.

«Белинский и корреспонденты» – В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., Отдел
рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1948.

Белинский. Письма – Белинский. Письма. Редакция и примечания Е. А. Ляцкого, тт.
I–III, СПб., 1914.

«Воспоминания» – В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Гослитиздат,
1962.

ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

КССБ – В. Г. Белинский. Сочинения, ч. I–XII. М., Изд-во К. Солдатенкова и Н.
Щепкина, 1859–1862 (составление и редактирование издания осуществлено Н. Х.
Кетчером).

КССБ, Список I, II... – Приложенный к каждой из первых десяти частей список
рецензий Белинского, не вошедших в данное изд. «по незначительности своей».

ЛН – «Литературное наследство». М., Изд-во АН СССР.

Панаев – И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950.

ПССБ – Полн. собр. соч. В. Г. Белинского под редакцией С. А. Венгерова (тт.
I–XI) и В. С. Спиридонова (тт. XII–XIII), 1900–1948.

Пушкин – А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. М. – Л., Изд-во АН СССР,
1962–1965.

Станкевич – Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840. М., 1914.

Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого

Впервые – «Отечественные записки», 1840, т. VIII, № 1, отд. VI
«Библиографическая хроника», с. 36–54 (ц. р. 14 января; вып. в свет 15 января).
Без подписи. Вошло в КССБ, ч. IV, с. 7–38.

5 июля 1839 года Белинский писал Краевскому: «...нынешний день оканчиваю довольно

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru обширное «похвальное слово» другу моему, Николаю Алексеевичу Полевому». Беспокоясь за судьбу своей статьи во время прохождения ее через цензуру, Белинский 24 августа сообщал тому же адресату: «Трепещу за участь моей статьи о Полевом. Я писал ее долго и с задором...».

Еще в марте 1839 года Белинский извещал в «Московском наблюдателе» о предстоящем выходе «Очерков русской литературы» Н. А. Полевого, в основном состоящих из статей, ранее напечатанных в журнале «Московский телеграф», и замечал: «Любопытно будет поверить литературные и эстетические мнения представителя целого периода нашей литературы – с нынешними, новыми» (Белинский, АН СССР, т. III, с. 97). В данной статье и делается эта «поверка».

Статья Белинского открыто полемична по замыслу и выполнению. Это было первое обстоятельное суждение Белинского о Полевом – критике на страницах журнала «Отечественные записки», как бы обобщающее и развивающее его прежние высказывания в «Московском наблюдателе» на эту тему (см. наст. т., второе обозрение «Русские журналы», с. 425–448).

Две линии в деятельности Полевого – с одной стороны, сотрудничество в реакционных петербургских изданиях, союз с Булгариным и Гречем, отказ от былого свободомыслия, а с другой – верность философским и эстетическим идеям, характерным для 1820-х годов и устаревшим к концу 1830-х, более глубоко раскрыты в данной статье. И все же Белинский был не совсем прав, акцентируя на рубеже 1830–1840-х годов негативную сторону критической деятельности Полевого. Вполне объективную и исторически верную характеристику деятельности Полевого в Москве Белинский дал в своей работе «Николай Алексеевич Полевой» (1846 – наст. изд., т. 8), в которой показал исключительно важную роль Полевого как издателя и сотрудника «Московского телеграфа» в истории русской журналистики и критики.

Белинский был очень доволен своей статьей. Он писал Боткину 18 февраля 1840 года, то есть через месяц после опубликования статьи об «Очерках русской литературы»: «Что ж ты не сказал мне ни слова о моей статейке об «Очерках» Полевого? Ею я больше всех доволен; право, знатная штука. Поверишь ли, Боткин, что Полевой сделался гнуснее Булгарина».

Примечания

1

без гнева и пристрастия (лат.). – Ред.

2

исповедание веры (франц.). – Ред.

3

О Пушкине надо или все говорить, или ничего не говорить. Читатели «Отечественных записок» встречали в них так много и таких резких отзывов о великости Пушкина как поэта, что вправе требовать от нас доказательной и отчетливой оценки его художественной деятельности, и потому, при выходе последних томов посмертных сочинений Пушкина, «Отечественные записки» представляют своим читателям целый ряд статей об этом поэте, в которых мы, развив значение и основания творчества, перейдем к критическому разбору творений Державина, Жуковского и Батюшкова, как предшественников Пушкина, и заключим подробным разбором творений самого Пушкина, так что эта критика будет вместе и очерком истории русской поэзии^{37}, тем более что в нынешнем же году намереваемся оправдать, в особой статье, и наши отзывы о Гоголе^{38}. Время отзывов, в похвалу или в порицание писателей, проходит в нашей литературе: настает время основательной критики, и потому в одной из ближайших книжек «Отечественных записок» читатели наши найдут отчетливое и подробное оправдание наших отзывов о Марлинском, которого полное собрание сочинений издано в прошлом году^{39}.

4

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
там же (лат.). – Ред.

5

умозрительно (лат.). – Ред.

6

необходимое (лат.). – Ред.

7

трагедию (нем.). – Ред.

Комментарии

1

Н. А. Полевой впервые выступил в печати в 1817 г. с двумя стихотворениями (одно – перевод с французского) и двумя корреспонденциями из Курска («Вестник Европы», 1817, № 7–8, 15–16, 19–20). В историю русской литературы вошел прежде всего как издатель и ведущий сотрудник одного из лучших русских журналов того времени «Московский телеграф» (1825–1834). Кроме того был историком, драматургом, автором романтических повестей, сатирических очерков и фельетонов.

2

В предисловии «Несколько слов предварительно» на указанной Белинским странице Половой говорит о себе как представителе «поколения уже преходящего», труды которого для «нового поколения» имеют «цену историческую».

3

Курсив Белинского.

4

Имеется в виду статья Полевого «Несколько слов о русской драматической словесности (Письмо к Ф. В. Булгарину)» в «Сыне отечества», 1839, № 4, отд. IV, с. 103–118.

5

Курсив в словах «великое, великое» Белинского.

6

Полевой писал о себе в предисловии к роману «Клятва при гробе господнем» (ч. I, М., 1832, с. IX): «Я... Русь знаю, Русь люблю, и... Русь меня знает и любит».

7

Имеется в виду московский период журнально-критической деятельности Полевого, когда он выступал в «Московском телеграфе» как представитель романтической критики, защищавшей романтизм в художественной литературе.

8

Все три названные Белинским статьи Полевого первоначально печатались в «Московском телеграфе»: «Сочинения Державина» и «Баллады и повести В. А. Жуковского» – в 1832 г. (№ 15–16, 18 и 19–20), «Борис Годунов». Сочинение А. Пушкина» – в 1833 г. (№ 1–2).

9

В журнальной публикации, видимо, опечатка. По смыслу правильнее: «отразилась».

10

Страз, или страза – поддельный алмаз.

11

Русская романтическая критика (в том числе и Полевой) воспринимала Державина как зачинателя романтического направления в русской литературе. Для Белинского Державин – великий талант, но в то же время поэт-классик, впитавший в себя рационализм эстетики классицизма.

12

Перефразировка строки из стихотворения Пушкина «Пророк».

13

Белинскому конца 1830-х гг. были близки в Жуковском идеи примирения и гармонии. Отсюда его страстная защита Жуковского. В 1840-е гг., продолжая высоко ценить историческое значение Жуковского как прямого предшественника Пушкина, критик вскрывал односторонность, мистицизм творчества Жуковского, осуждал его бегство от жизни в потусторонний мир мечты (см. вторую статью пушкинского цикла).

14

В «Руслане и Людмиле», песнь IV.

15

Жуковский так передал свой разговор с Людвигом Тиком: «Я признался ему в грехе своем, сказал, что chef-d'oeuvre Шекспира, «Гамлет», кажется мне чудовищем и что я не понимаю его смысла. На это сказал он мне много прекрасного, но, признаться, не убедил меня» («Отрывок из письма о Саксонии»).

16

Шиллер осуществил сценическую обработку «Макбета» – «Makbet. Trauerspiel von Shakespeare, bearbeitet von Fr. Schiller». Tübingen, Cotta, 1801. Перевод на русский язык был сделан А. Г. Ротчевым (Макбет. Трагедия Шекспира. Из соч. Шиллера. Перевод А. Ротчева. СПб., 1830).

17

То есть неверно, несправедливо, как судья Шемяка в народной русской сказке «Шемякин суд».

18

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Здесь и дальше курсивы принадлежат Белинскому.

19

Цитируется анонимная рецензия на «Последнюю главу «Евгения Онегина»; в словах «его не убили» курсив Белинского.

20

Цитируется (неточно) анонимная рецензия на «Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть», курсив Белинского.

21

Разрядка Белинского.

22

«История русского народа» Полевого, полемически направленная против «Истории государства Российского» Карамзина, начала выходить в 1829 г.; предполагалось издание в двенадцати томах (см. объявление в приложении к № 19 «Московского телеграфа» за 1829 г.). В 1833 г. вышел шестой том, на котором издание прекратилось.

23

Статья Полевого «Пушкин» напечатана в «Библиотеке для чтения», 1837, № 2.

24

Псалтырь, 17, 12.

То, что Полевой не понял и не принял Гоголя, было уже в это время ясно, например, из его резко отрицательной оценки «Вечеров на хуторе близ Диканьки» («Московский телеграф», 1831, № 17) и неодобрительных отзывов о «Ревизоре» в рецензии на комедию Загоскина «Недовольные» («Библиотека для чтения», 1836, № 5).

25

Статья Полевого о «Двумужнице» А. А. Шаховского, вошедшая в «Очерки русской литературы», впервые была напечатана в «Московском телеграфе» (1833, № 3). Статья написана в форме разговора двух лиц, причем один из собеседников предложил план романтической драмы, пародирующей пьесу Шаховского.

26

О «дюсисовских переделках» пьес Шекспира см. прим. 46 к статье «Гамлет», драма Шекспира...». Белинский, вначале высоко оценивший перевод Полевым «Гамлета», потом изменил свое мнение (см. в наст. т. рецензию «Гамлет», принц датский...» и прим. 14 к ней). Рецензию Белинского на «Уголино» см. также в наст. т.; об «Ужасном незнакомце» Белинский писал в рецензии «Секретарь в сундуке, или Ошибся в расчетах...» (см. прим. 4 к этой рецензии).

27

Отзыв Булгарина о драме Н. Полевого «Елена Глинская» содержался в рецензии на альманах Н. Кукольника «Новогодник» («Северная пчела», 1839, № 80, 13 апреля). Цитируемые Белинским слова Булгарина приведены в письме Полевого (см. выше прим.

Очерки русской литературы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
4). В следующих далее цитатах курсив Белинского.

28

Кутейкин – семинарист, обучавший Митрофана грамоте по Часослову – книге молитв на все дни года (см. «Недоросль» Д. Фонвизина, д. II, явл. 5).

29

Здесь и дальше цитируется статья Полевого «Несколько слов о русской драматической словесности...». Курсив Белинского. Слово «развлекался» восстановлено по цитируемому тексту.

30

Белинский разделяет «сцену» и «словесность» на том основании, что в его время драмы Пушкина не ставились на сцене.

31

О переводе «Гамлета» Висковатовым – см. прим. 5 к рецензии «Гамлет, принц датский...». Пьеса Сумарокова «Гамлет» (СПб., 1748) – вольная переработка трагедии Шекспира.

32

Из басни Крылова «Ларчик».

33

Эта статья, высмеивающая противников романтизма, была напечатана в сатирическом приложении к «Московскому телеграфу» – «Камер-обскуре книг и людей» (1832, № 4–5).

34

В цитате курсивы, за исключением курсива в слово «искренность», принадлежат Белинскому.

35

С авторскими разъяснительными предисловиями печатались многие драмы Гюго, например, «Кромвель» (1827), «Эрнани» (1830), «Марион Делорм» (1831), «Лукреция Борджиа» (1833), «Рюи Блаз» (1838) и др. Белинский иронически намекает, видимо, на «Предисловие» к «Кромвелю», ставшее боевым эстетическим манифестом демократически настроенных французских романтиков.

36

Полевой предполагал издать свои «Очерки русской литературы» в четырех частях, однако следующие две части так и не вышли в свет, и намерение Белинского не осуществилось.

37

Цикл статей о Пушкине (11 статей) был опубликован в «Отечественных записках» в 1843–1846 гг.

Этот замысел Белинского остался неосуществленным.

39 Статья о «Полном собрании сочинений» А. Марлинского напечатана в следующем (2-м) номере «Отечественных записок» за 1840 г. (наст. изд., т. 3).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!